

денческие билеты и дипломы новоиспеченных актеров. А люди, знавшие и помнящие отца, с благодарностью вспоминали его сидя или прогуливаясь возле памятника актеру, отдавшему 33 года сценической деятельности г. Тюмени!

«Он был и остается самым крупным и самым талантливым актером тюменской сцены. Зрителям нравятся крупные артисты, а не антуражные. Про таких говорят — есть масть, есть порода», — сказал о Георгии Ивановиче Дьяконове-Дьяченкове его современник бывший главный режиссер Тюменского областного драматического театра, заслуженный деятель искусств РСФСР Е. А. Плавинский.

В. Н. КУБОЧКИНА

Автор воспоминаний — известный тюменский краевед Вера Николаевна Кубочкина, родилась в 1929 г., в 1948 г. окончила среднюю школу № 21 г. Тюмени, затем — исторический факультет Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Член Союза журналистов России. Лауреат премии им. В. И. Муравленко.

ТЮМЕНСКИЙ КРАЙ — АДРЕС ПОДВИГА, И ЖИТЬ В НЕМ БОЛЬШАЯ ЧЕСТЬ!

Прожита большая жизнь, полная событий, участником которых я была. И если собрать все воедино, что пережито — получается огромная многотомная книга. Ловлю себя на мысли, что это прошлое с годами высвечивается ярко, затмевая порой даже настоящее. Иногда мои сверстники удивляются, что я помню имена не только учителей, но и многих своих одноклассников, с которыми училась в начальных классах. Да что говорить, если некоторые факты помню с 3–4-летнего возраста!

Дошкольное детство, школьные годы, включая страшную войну, учеба в Ленинградском вузе — все это «главы» так и ненаписанной книги воспоминаний, по которой, уверена, можно судить и об истории нашей страны.

Но сегодня обращаюсь только к более позднему, зрелому пласту — официальной работе, объясняя это юбилейным годом, семидесятилетием нашей области. Именно на эти годы пришлась моя деятельность в Тюмени, в организациях областного и даже Всесоюзного значения.

Память об этих учреждениях, руководителях, их возглавляющих, стиле работы — незабываемы.

«Учитель! Пред именем твоим...»

После окончания исторического факультета Ленинградского государственного педагогического института (ныне университета) имени А. И. Герцена я была направлена в один из районных центров Мурманской области, попав под комсомольский призыв, когда выпускники, получившие дипломы с отличием, ехали «куда пошлет Родина». А посылала она в самую глубинку. Отказалась от аспирантуры (предлагали две кафедры), от предложения «руки и сердца» аспиранта-ленинградца. Переполнял оптимизм, когда все оказалось прекрасным: и голые скалы, и тундра, и суровое Баренцево море. Сразу погрузилась в активную комсомольскую работу, была избрана депутатом районного Совета, а затем и на освобожденную выборную работу в течение двух созывов.

Но так сложились семейные обстоятельства, что в мае 1958 года разошлась с мужем и с двумя детьми приехала в родную Тюмень, к своим родителям. Нужна была работа. Тогда не мыслила, что можно устроиться куда-либо, кроме органов народного образования. Но все походы по инстанциям были бесполезны. В гороно очередь на историков — на несколько лет вперед, в облоно — только дальние районы.

Заведующая Тюменским (сельским) районо И. А. Яцукова, оглядев меня с головы до ног, посмотрев документы, предложила директорство в Онохинской семилетней школе. Выхода не было. Согласилась. Но в те времена руководители всех школ утверждались приказом облоно. Заведующий сектором кадров, милейший человек В. С. Шлеев попросил прийти еще раз через неделю. Прихожу в назначенное время, снова — «приходите через пару дней». Не могу понять, почему такая волокита. И вот он, наконец, улыбаясь, ведет меня в начальственный

кабинет. Тут-то я впервые увидела Прохора Кузьмича Худолеева. Он, взяв в руки подготовленный приказ о моем назначении в Тюменский район, порвал его со словами: «Мы решили вернуть Вас в Тюмень». Позднее Шлеев объяснил мне, что они делали запрос в Мурманск о возможности использования меня на работе в аппарате облоно. Телеграмма (я ее видела) гласила: «Кубочкина имеет опыт руководящей работы». Так мне была предложена должность школьного инспектора. Я сочла это за большую честь. Что тогда представляли инспекторы? Солидные люди, имеющие большой опыт работы и в школе, и в аппарате. В общем, это были настоящие «зубры». А я среди них — самый молодой 29-летний работник. Если честно, то я у них училась. Опыт работы, полученный здесь, очень пригодился мне в дальнейшем. До сих пор с благодарностью вспоминаю П. К. Худолеева и искренне считаю за счастье, что когда-то в течение нескольких лет мне пришлось работать под его руководством. Это была большая школа жизни.

Более полувека он отдал служению Тюменскому краю — комсомольско-партийной и советской работе. Отличник народного просвещения, заслуженный учитель школы РСФСР, орденосец, прекрасный организатор, обладающий необыкновенной работоспособностью, творчеством, глубоким профессионализмом и ответственностью. Кроме того, он был человеком высокой культуры, интеллигентности, эрудиции. С первых минут общения покорял своим обаянием. Он никогда не ошибался в подборе кадров, причем всегда доверял им, поддерживал их авторитет, вселял уверенность, правоту и целесообразность проводимой реформы народного образования. Это было время внедрения новых форм работы в школе. И главным стала борьба за всеобуч! В поле зрения находился каждый ребенок. Большое внимание уделялось вопросам ликвидации неграмотности населения Крайнего Севера. Укреплялась и расширялась учебно-материальная база в городах и сельских районах области. Только с 1965 по 1970 год было построено 393 новых школы на 83 тысячи мест, 174 дошкольных учреждения, 570 домов для учителей.

Эти цифры впечатляют даже сейчас.

Впервые (!) в стране по инициативе Худолеева открылись школы и группы продленного дня. Это начинание одобрено Министерством

просвещения РСФСР и внедрено в практику других областей. А как была организована профорIENTATION школьников, их подготовка к работе на селе! Нельзя не вспомнить внеклассную воспитательную работу. Именно тогда открыли прекрасный Дворец пионеров в Тюмени, станции юных техников и юннатов. Создали кузницы педагогических кадров: Ишимский пединститут и Гольшмановское педучилище. Да разве все можно перечислить! Прохор Кузьмич внимательно следил за педагогическими новинками и этого же требовал от своих работников. Причем не только шагать в ногу с жизнью, но и далеко опережать ее.

Делалось очень многое, и забыть об этом сегодня было бы просто преступно.

Школьные инспектора, по существу рядовые работники, были возведены заведующим облоно в высокий ранг организаторов просвещения на местах. С ними считались первые руководители районов, к их мнению прислушивались. Они были вхожи в кабинеты высших руководителей области для решения многих вопросов.

Приезд инспектора, как говорили тогда, был настоящим университетом для педагогов. Заведующий облоно пестовал и ценил истинных учителей и руководителей. Много славных имен хранит наша память с тех времен. Это — и Герой Социалистического Труда Я. Бородин, и В. Костецкий, А. Филиппович, Е. Киберев, В. Югринов, М. Тверитиина, А. Климович, В. Загвязинский, П. Прокофьев и многие другие.

Было ли трудно работать? Конечно! Ведь мы были вовлечены в эту многоплановую повседневную работу. Командировки длились порой до месяца. Было установлено такое правило: проверять район — проверь несколько начальных школ, 2–3 семилетних (восьмилетних) и обязательно одну среднюю. Тогда не считались с тем, что имели малых детей (у меня, например, младшему был только годик, и вся тяжесть воспитания ложилась на родителей). Работали в выходные, и никто не мог представить, чтоб взять отгул. Да и «чаев не гоняли», как сейчас. Хотя, может, это и плохо, «зарабатывая» гастрит и другие болячки.

Бытовые условия командировочных были тяжелые. Иногда приходилось спать в школе, сельсовете, питаться черствыми пряниками,

передвигаться на лошадях, тракторах, на груженных машинах (один раз пришлось ехать в кузове на кирпичках). Сколько километров исхожено пешком! Но запомнилось одно: коллектив был дружен. С каким настроением ходили на демонстрации! Сейчас говорят, что за это платили. Неправда! В праздники устраивались вечера, непременно со складчиной (застольем). Помню, однажды тащила через весь город (почему-то пешком) полное эмалированное ведро с винегретом!

Иногда вспоминаются интересные случаи, происходившие во время командировок. Пришла я вместе с инспектором А. Кукобиной на урок литературы в одной сельской школе. Полвека назад никто из учителей не употреблял косметику. А тут моя коллега, гостья из Тюмени явилась в класс с накрашенными губами. И что? Прошли какие-то десять минут, и все пятиклассники, как по приказу, повернулись к нам лицом, а губы были накрашены красным карандашом. В общем, проучили!

Это произошло 12 апреля 1961 года. День этот помню весь, до мельчайших подробностей, вплоть до курьезов, которые тогда произошли. Армизонское. Сижу в столовой — время обеденное. Подсаживается ко мне за столик один товарищ. Улыбается. Чувствую, что его что-то распирает изнутри. «Вот это да!» — говорит он. «Да-а-а», — вторю я. «Это же здорово!» — снова восклицает собеседник. Я, уверенная, что он имеет в виду падающий снег, замечаю: «Ну и что же тут хорошего? Снег растает, столько грязи будет, что и не выберешься отсюда». «Да причем тут снег и грязь? А фамилия-то какая!» «У кого?» — спрашиваю я. Он не выдерживает и кричит: «Так Вы что, ничего не знаете?!».

И тут, наконец, убедившись, что я действительно ничего не знаю, сообщает потрясающую новость. И посыпались из меня, как из рога изобилия, одни междометия. А дальше мой путь лежал в начальную школу. Захожу в учительскую — тишина. И вижу, что поведение и настроение пожилых учителей совершенно неадекватное моему. Спрашиваю: «Слышали, что Гагарин в космосе?». Отвечают тихо: «Да, слышали»... И опять молчание. Потом я все поняла. Для них главное в то время — инспектор в школе, а не человек в космосе.

Не могу не отметить еще одно обстоятельство. Тогда мы даже не знали значения слова «vip». Все было так демократично, просто. Не существовало люксов в гостиницах, банкетных залов в столовых. А гостиница похожа была на скворечник — старый, небольшой деревянный домик, где было три комнаты: внизу 10 мест для механизаторов, приехавших на уборку урожая, сверху такая же комната женская. И еще был один одиночный номер, в котором стояла кровать (на панцирной сетке!), дерматиновый старый диван, шкаф, стол. И все с допотопных времен.

Однажды (не было мест) меня подселили именно туда, где оставилась первый секретарь обкома ВЛКСМ Руфь Рогова. Встречались мы с ней только поздно вечером, но сколько я тогда узнала всего интересного! Она рассказала, как с делегацией ЦК ВЛКСМ была в Великобритании на приеме у королевы, о своей командировке в Норвегию. И никаких претензий ко мне не было, нам было вместе просто комфортно и совсем не чувствовалась разница в положении.

Столовая, общий стол тоже познакомили меня с «начальством». А так как я была в командировке по месяцу, то и денег «скапливалось» больше, чем у других. Платили в сельской местности по 1 руб. 20 коп. в сутки. Потому и могла их одалживать. И тут несколько историй. Невероятно, но факт. Не хватило сколько-то рублей на покупку какой-то вещицы заместителю председателя облисполкома Л. Я. Янину — поделилась. Потом уже в облоно мне сказали, что он приехал и ищет кабинет, где сижу я, чтоб отдать долг. В другой раз дала 25 рублей одному молодому человеку, у которого не доставало на билет до Тюмени (с ним за одним столом сидели за обедом).

Поняла лишь, что он знает, кто я. И все. Через два дня меня разыскивает первый секретарь райкома ВЛКСМ Афанасий Логинов и со словами: «Вам прислал деньги Лиховидов» — передает их мне. «Кто?!» «А вы не знали, что ли, кому их давали?»

А я и действительно не знала этого. Фамилию слышала, а видеть — не видела.

Сейчас эти истории кажутся просто неправдоподобными, но ведь так было, было...

В общем, есть что вспомнить...

Как-то оказалась в палате кардиологии с одной пенсионеркой, бывшим директором сельской школы. Она была удивлена, что спустя полвека я помнила имена и фамилии учителей — ее коллег.

Ответ на этот вопрос прост. Это были люди, любившие и знавшие свое дело, несмотря на невероятные трудные условия работы того времени. Поэтому они и остались в моей памяти.

Но вернусь снова к личности П. К. Худолеева. Последние годы, когда он болел, круг его общения сузился до самых близких ему людей.

Однако после каждой моей радиопередачи на ГТРК «Регион-Тюмень» (была автором и ведущей краеведческой рубрики «Факт истории») или публикации статьи в газете, он всегда звонил мне. Не скрою, этому я была рада.

Правда, больших трудов мне стоило уговорить его дать интервью. А когда все-таки вышла моя статья о просвещении в области тех лет к его 85-летию, у него в квартире не утихал шквал телефонных звонков, что придало ему силы преодолевать жизненные невзгоды.

...Безусловно, годы деятельности областного отдела народного образования под его руководством памятны и сегодня.

Думаю, что настало время назвать одну из улиц областного центра или школу именем П. К. Худолеева.

Памятная медаль

Каждый раз, когда я прохожу мимо зданий бывших Главтюменнефтегаза (ул. Ленина, 67) и Главтюменгазпрома (ул. Республики, 143) воспоминания, словно кадры документального кинофильма, прокручиваются, отражая страницы исторической летописи.

И очень горжусь, что жила в бурное время освоения богатейших недр нашего края. Педагог по образованию, я оказалась востребованной в нефтяном и газовом главках. Ведь и там были свои ведомственные дошкольные учреждения, пионерские лагеря, учебно-курсовые комбинаты, в которых получали профессию тысячи и тысячи рабочих, осваивающих Север.

Неисчислимы километры в тайге и тундре, «освоение» всех существовавших тогда видов воздушной и наземной техники — все это было.

Тогда на все, что делалось, время наложило свой отпечаток — что-то вроде грифа «впервые». В памяти — заводы-гиганты, добывающие нефть, и газоперекачивающие станции, мощные нити нефтегазопроводов и, конечно, люди. А сколько починов тогда родилось на нашей земле: добудем один миллион тонн нефти, один миллиард кубометров газа! Запомнился и день 25 декабря 1984 года, когда многотысячный коллектив тружеников газовой промышленности Тюменской области вышел на заветный рубеж добычи одного миллиарда кубометров газа в сутки. Потом в сводках звучали уже триллионы.

Крупнейший нефтегазовый комплекс был создан в чрезвычайно сложных природно-климатических условиях, тем более что приходилось все начинать с «чистого листа»! На месте болотных топей и вечной мерзлоты выросли новые современные города.

Как известно, историю делают люди. И в связи с этим сегодня нельзя не сказать прежде всего о человеке, возглавлявшем штаб тюменских нефтяников — Главтюменнефтегаз.

Это Виктор Иванович Муравленко. Его талант руководителя сочетался с талантом инженера с большим опытом практической работы.

Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, депутат Верховного Совета СССР, доктор технических наук, профессор.

Имя Муравленко я узнала задолго до того, как он приехал в Тюмень. Моя двоюродная сестра Зоя (племянница отца) жила в Куйбышевской области, в п. Ново-Семейкино, где находится большой химический комбинат, на котором главным инженером работал ее муж — Антон Антушевич. Случилась ЧП-авария, и руководство комбината вместе с В. И. Муравленко (он тогда работал в Куйбышевском совнархозе) были вызваны в Москву, в ЦК. Подробностей я, конечно, не знала, но помню одно: Антона прямо в поезде на обратном пути парализовало. И с этого времени все заботы о нем (а пролежал он 10 лет!), о его семье, где осталось трое детей, Виктор Иванович взял на себя. В финском домике, где они жили, была произведена реконструкция, даже оборудована специальная ванная, поскольку уход за больным осложнялся тем, что он был очень высокого роста.

Когда подросла старшая дочь Таня, сестра привезла ее в Тюмень для поступления в индустриальный институт на факультет автоматики и телемеханики. Экзамены были сданы успешно, а позднее так же успешно окончен вуз. Виктор Иванович постоянно общался с Татьяной, даже дал ей номер своего прямого телефона, на всякий случай.

Назначение она получила в Нижневартовск, в подведомственное главку предприятие связи, и стала отличным специалистом. Ее портрет в течение нескольких лет висел на огромной Доске Почета в здании Главтюменнефтегаза.

Зоя, прилетая в Тюмень, в первую очередь шла к супруге Виктора Ивановича — Клавдии Захаровне, с которой была дружна, привозя в подарок фрукты со своей усадьбы.

Все эти обстоятельства я держала в секрете от коллег, от Муравленко, почему — до сих пор не знаю...

Вспоминаю разговор с В. И. Муравленко при приеме меня на работу в аппарат главка: чтобы действовала огромная машина, важна роль каждого винтика. И я поняла, что без кропотливой и серьезной работы рядового человека были бы невозможны и свершения высококлассных специалистов.

Тогда меня поразила необычайная доброжелательность, особая теплая тональность разговора, словно я оказалась в какой-то светлой ауре этого человека. Несомненно, он был и прекрасным психологом.

Запомнила еще факт — один из партхозактивов, на котором выступал буровой мастер Геннадий Левин, впоследствии получивший звание Героя Социалистического Труда.

Он рассказал о самоотверженном труде буровиков: в 50-градусный мороз ломалась техника, а они выдерживали.

Все знали, что Муравленко явно отдавал предпочтение людям этой профессии.

Им и квартир выделялось больше и мест в детсады, пионерлагеря, санатории. На первых порах мне было непонятно — почему. Но вскоре случай все прояснил и помог поставить в этом вопросе точку. С высокопоставленной делегацией побывала на первой в стране экспериментальной трехэтажной буровой. Самотлор. Конец октября. Поднимаюсь вверх по лестнице.

Дождь со снегом, ураганный ветер рвет брезент, едва прикрывающий установку. А из скважин выбрасывается ледяной раствор, обливая всех с головы до ног.

Ну а потом еле добралась до Тюмени и, в ту пору молодая и здоровая, месяц пролежала в больнице.

Все стало ясно. Вопросов больше не возникало.

Должна сказать еще, что и буровики любили Виктора Ивановича. Однажды на буровую забрел медвежонок. Ребята единогласно решили в знак благодарности подарить его Муравленко. Привезли в Тюмень. Что делать? В главке серьезно подумали и отдали забавную зверюшку гастролировавшему тогда цирку и уже стали представлять, как на афишах появится имя Машки Самоглорихи, но... артистки из нее не получилось и пришлось дать ей снова «вольную».

Вес авторитета Муравленко был огромен. И это чувствовалось ежедневно, ежечасно. Значимость его ощущалась во всем. Часто приходилось слышать: «Виктор Иванович сказал...», «Виктор Иванович предложил...», причем это звучало из уст работников любого ранга с особым уважением.

Да, это действительно был руководитель — гигант. Опытнейший, требовательный к себе и людям, видящий будущее и делающий все, чтобы его приблизить. И в то же время оставался душевным, скромным человеком, непритязательным в обыденных условиях.

А скольким людям он помогал! Вот лишь маленький пример. В течение летних сезонов в пионерлагерь «Снежинка» во время отпуска ездили молодые специалисты мединститута Новиковы. Жили они в ту пору очень скромно, даже подрабатывали дворниками. Но вот появилась у них Наташка. Как быть? С детсадами в городе — плохо. Тем не менее Муравленко, узнав об этом, дал мне указание решить этот вопрос незамедлительно.

Прошло много лет, но они по сей день помнят о том, как в трудную минуту им помог Виктор Иванович.

Были в жизни главка и суровые будни, страшные аварии в Урае, Нижневартовске.

Эти ЧП омрачали романтику труда, но не снижали темпов роста добычи. На фоне славы промысловиков нельзя было допускать сбои в социально-бытовой сфере. Это и нас обязывало во многом.

Трудились мы все самоотверженно. Диапазон нашей работы — от яслей-садов, первоначально размещавшихся в вагончике, до многих десятков настоящих дворцов, оснащенных современным оборудованием и высококвалифицированными кадрами. И не удивительно, что Главтюменнефтегаз систематически занимал призовые места в отраслевых смотрах.

Опыт передовых распространялся путем проведения конференций, практических семинаров. А когда уже твердо «встали на ноги», наш опыт получил «зеленый свет» и во всесоюзном масштабе. Мне приходилось неоднократно выступать в Москве: в Министерствах нефтяной промышленности, просвещения, Академии педагогических наук СССР.

Перебираю сохранившиеся почетные грамоты, приказы, постановления Министерства и ЦК профсоюза, тексты докладов, программы и с ностальгией вспоминаю те далекие годы. А как много значило доброе слово, сказанное руководителем!

В 1976 году В. И. Муравленко, находясь в больнице с инфарктом и узнав, что Всесоюзный семинар, на который собрались в Нижневартовск множественные делегации от Западной Украины до Таджикистана и Сахалина, прошел отлично, просил передать мне за это огромное спасибо. Знаете, как мне были дороги эти слова!

И зарядили они меня энергией, наверно, ни на один год!

Были, конечно, за период моей многолетней работы осложнения в работе, неприятности. Но с подключением к их разрешению В. И. Муравленко все нормализовалось.

Случилась в стране холера, и как раз очаг ее был недалеко от нашего южного пионерлагеря. Настало время окончания смены, а выпускать детей из этой местности запретили. Что делать? Тут В. И. Муравленко обратился к А. Н. Косыгину. Разрешение было получено. Но что делалось в это время в Тюмени!

Слух об этом прошел, и сотни родителей с Севера приехали встречать детей, предполагая худшее — что они больны.

Медсанчасть нефтяников и ее главврач А. Г. Духанов приняли все меры к встрече эшелона. И вот представьте себе такую картину. На привокзальной площади — десятки машин скорой помощи (тут облздравотдел сработал четко!), сотни родителей, которых на перрон не пускает милиция. Подходит поезд. Я, ответственная за лагерь, бегу с тревогой к штабному вагону, выходит начальник. Я спрашиваю, где больные дети. Ответ: «Какие больные?! У нас все здоровы». И действительно, они выходят к нашему всеобщему счастью из вагонов здоровые, загорелые, улыбающиеся. Тревога оказалась ложной...

Результат успеха, конечно, в ответственности и профессионализме подобранных кадров.

Еще один факт, о котором мне рассказали уже спустя какое-то время, чтоб меня не расстраивать. А дело было очень серьезное.

Я, проводя инструктаж с родителями, предупредила, чтоб на чемоданчиках ребят была написана четко их фамилия, имя и возраст.

И вот что произошло.

Конец августа. Плотный график движения поездов — люди едут из отпусков, да и дети — перед началом учебного года. Автобусы привезли их на железнодорожный вокзал г. Туапсе.

На первом пути — стоит поезд, на котором и должны ехать они до Тюмени. Стоянка 15 минут. Все продумано. Каждый автобус закреплен за определенным вагоном. Все сели — успели. Перрон пустой и вдруг видят: там одиноко стоит чемоданчик, посмотрели — написано: «Кубочкин Миша, 11 лет!» Объявлена тревога, ищут по всем вагонам, но его нигде нет, а время идет. Пути надо освободить.

Побежали в тоннель, а там мой сыночек спокойно стоит и разговаривает с негром. Как он потом объяснял — впервые увидел чернокожего и захотел познакомиться, а поэтому побежал за ним.

График движения грубо нарушен. Знаю, что к ГТНГ предъявили санкции — огромные штрафы. И тут В. И. Муравленко опять обратился в Правительство, лично к А. Н. Косыгину. Конфликт исчерпан. Санкции сняты.

Но мне сказали об этом, когда все благополучно разрешилось, чтоб не волновать. А сын мой даже и не понял, что случилось...

Как-то Виктор Иванович пригласил меня в свой кабинет и предложил создать фильм о детских дошкольных учреждениях главка. Я обратилась в соответствующие инстанции.

На мою долю выпало составление сценария, для этого пришлось изездить весь Север. Кинофильм вышел под названием «Теплый север» и очень всем понравился.

Его демонстрировали гостям из Москвы, иностранцам, а также на семинарах в Министерстве. Хотя позднее я поняла его несовершенство, но тогда он был нужен и сделал свое дело.

...А В. И. Муравленко остался в памяти всех, кто с ним работал или просто встречался на жизненных перекрестках, как необыкновенно яркая, незабываемая личность.

В 1998 году в Тюмени была создана уникальная организация — областной общественный фонд имени В. И. Муравленко (президент — С. Д. Великопольский, инициативный, энергичный, творческий руководитель). Масштаб его деятельности впечатляет. И быть его членом — честь для каждого тюменца. А то, что я являюсь еще и лауреатом премии имени В. И. Муравленко — честь вдвойне.

Когда Муравленко не стало, некоторые работники перевелись в Главтюменгазпром, в их числе была я. Это новая страница в моей жизни. И хотя меня подключили и к пионерским делам, основная обязанность — учебно-курсовые комбинаты.

Опыт подготовки рабочих кадров уже в мою бытность вывел главк на первое место в отрасли. Это было одобрено и Главным комитетом ВДНХ СССР, где мне пришлось выступить с докладом, и бронзовая медаль, врученная мне, напоминает теперь об этом...

Вернусь к 1978 году — началу моей работы в «газовом» главке. И тут не обошлось без казусов. Первоначально начальник отдела стал давать мне небольшие задания. И первое — сходить с какой-то бумагой в лабораторию множительной техники, причем назвав ее руководителя какой-то довольно странной фамилией. Прихожу, здороваюсь и говорю: «Мне нужен товарищ Усач».

Выходит из соседнего кабинета мужчина с пышными усами и говорит: «Хоть у меня усы, фамилия моя — Яшин». Я готова была провалиться от стыда.

В другой раз дает мой начальник смету, как-то хитро смотрит на меня и произносит: «Нужна подпись в планово-экономическом отделе». Не буду называть фамилию руководителя, скажу лишь, что это была очень строгая женщина, которую просто все боялись. Этого я не знала и отправилась выполнять задание.

Представилась, сказав, что я первый день на работе. Она внимательно изучила документ и поставила подпись. Только пришла на свое рабочее место, начальник спрашивает: «Ну и как?». Я в ответ подаю подписанную смету. Надо было видеть его лицо! Оказалось, он несколько раз ходил туда сам, посылал других работников и — безрезультатно.

После этого подобных экспериментов со мной он не производил.

С первыми руководителями главка — Е. А. Алтуниным, а позднее В. С. Черномырдиным — общаться пришлось крайне редко и в основном на общеаппаратных совещаниях.

Черномырдин отличался крутым нравом, не прощал недисциплинированности, малейшего беспорядка. Сразу же освобождал от работы.

Но как-то я поставила его в тупик. Руководство комиссией содействия Советскому фонду мира в главке возложили на меня. Через подписные листы все отчисляли однодневный заработок. Зная характер начальника, идти к нему никто не соглашался: «Ты — председатель, вот и иди сама!».

И пришлось. С трудом попадаю на прием, излагаю цель прихода, а он и говорит: «А что я знаю что ли, какая у меня зарплата?!». В ответ осмеливаюсь произнести: «А я — тем более...». Поясню, что Виктор Степанович, находясь в ранге заместителя министра, получал ее в Москве и только через пару дней, связавшись со своим столичным помощником, поставил в ведомости подпись.

В то время все мы особенно добросовестно относились к общественной работе. И наша комиссия тоже работала активно: мы проводили много мероприятий, о которых рассказывало радио и телевидение. А я была даже награждена знаком «Активист Советского фонда мира» и бесплатной турпоездкой по местам боевой славы.

Расскажу еще о некоторых анекдотических ситуациях. Одно из предприятий ПО «Тюменьтрансгаз» возглавлял молодой обаятельный человек по фамилии Мыркин. И когда Черномырдина назначили начальником главка, злые языки стали называть (разумеется, за глаза) товарища из Комсомольска... Черномыркиным.

Командировка в Новый Уренгой. На одном ГП (газовом промысле) слышу, как ответственный товарищ после телефонного разговора взволнованно сообщает: «К нам едет Никоненко с дубиной!». Ну, думаю, видимо, дела плохи. С И. С. Никоненко — руководителем ПО «Уренгойгаздобыча» была знакома, а что Н. Н. Дубина — секретарь парткома — не знала...

Не рассказать о талантливом главном инженере главка, к тому же прекрасном человеке, не имею права. Тем более что общаться с ним мне пришлось постоянно. Это — Юрий Иванович Топчев.

Пунга, Игрим, Похрома, Медвежье, Вынгапур, Уренгой и Ямбург — этапы стремительного развития Тюменского нефтедобывающего региона. И каждое месторождение связано с его именем.

Как-то на одном из собраний аппарата В. С. Черномырдин назвал его первым инженером отрасли. И Топчев, действительно, был таковым.

Первое, что бросалось в глаза и за что ценили его соратники — глубокий профессионализм, необыкновенная скромность, которая проявлялась буквально во всем. А еще — его ответственность и внимательность, честность, уважительное отношение к людям.

В главке был создан учебно-методический совет, которым он руководил. И вот тут наши пути пересеклись. Поразила его оперативность в решении всех вопросов. Вспоминаю такой случай. Начальник отдела, где я работала, был в отпуске, и без него на меня свалилась проблема, о которой я ранее и не слышала.

Оказалось, был приказ Р. И. Вяхирева (тогда заместителя министра) о том, что к определенному сроку необходимо представить технико-экономическое обоснование на строительство одного из учебно-курсовых комбинатов по типовому проекту. Какая служба не сработала — не знаю. Документ с большим опозданием передали в отдел, а мы должны были отвечать за его исполнение.

Что делать? Бегу к одному начальнику отдела, к другому, к заместителю начальника главка — везде один ответ: «Уже поздно!». И тогда первый раз в жизни осмеливаюсь писать докладную на тех, кто по существу и разговаривать-то со мной не стал на эту тему. Пишу на имя начальника главка В. С. Черномырдина. Но прежде решаю прорваться к главному инженеру, причем с самыми настоящими слезами. Юрий Иванович, конечно, удивлен — такой он меня еще не видел: «Что случилось, Вера Николаевна?». Потом, прочитав мою бумагу, как мог, успокоил: «Идите и работайте, я разберусь». И все.

К этому вопросу возвращаться не пришлось, а учкомбинат был возведен своевременно.

Другой пример. Решили на базе ведущего тогда ПО «Надымгазпром» провести учебу главных инженеров. Назначена дата. Все подготовлено. С докладом должен был выступить Ю. И. Топчев. Я — уже в Надыме. И вдруг, к ужасу своему узнаю, что на Вынгапуре — крупнейшая авария, и наш главный инженер — там.

Я — в отчаянии, ведь все участники уже в сборе. Решаю поступить, как в сказке: утро вечера мудренее. И вот где-то в 5 часов утра, слышу в гостинице голоса, шум шагов. Выскакиваю из номера и вижу... Юрия Ивановича — уставшего, похудевшего. А он улыбнулся и сказал: «Знаю, что волновались. Но все будет нормально. В 10 часов начнем».

Полдня он общался с главными инженерами, а потом опять — на Вынгапур бороться со стихией.

Однажды приехал в главк за направлением на работу во вновь организованное ПО «Уренгойгаздобыча» высококвалифицированный рабочий, до этого несколько лет трудившийся в другом нашем объединении. В конце разговора посетовал, что ему придется потерять все северные льготы, так как начальник поставил ультиматум: оставаться или увольняться по собственному желанию, что автоматически лишает его этих льгот. Меня как-то особенно задела судьба этого человека, и я решила помочь. К кому идти — вопроса не было, конечно, к Топчеву. Уже через минуту я готовила текст телеграммы, исправляющий допущенную несправедливость.

Такое понимание простого человека, уважение к нему — отличительная черта Юрия Ивановича.

Я рассказала о некоторых случаях, которые касались лично меня. А сколько их помнят те, кто решал с ним поистине важные государственные проблемы! Справедливо, что его именем названа улица в Игриме, Надыме, Тюмени. Ю. И. Топчев — почетный гражданин Нового Уренгоя.

И так хочется, чтобы память об этом удивительном человеке жила и впредь, чтоб его помнили, как сказал один известный поэт, «и дети наших детей, и наших внуков внуки...».

Вместо эпилога

У меня нет высоких наград, но медалью «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири» очень дорожу. Она напоминает о трудовых буднях, частичка и моего очень скромного труда в огромном потоке нефти и газа региона.

Как-то в одном из интервью корреспондент газеты «Тюменские известия» спросил меня: «Вы работали в разных ведомствах. Где работалось интереснее всего?».

И знаете, что я ответила? Дословно вот что. «Везде было интересно! Убеждена: это зависит от самого человека, ведь ко всему, даже самому будничному, можно подходить по-разному — формально или творчески, с огоньком. Я всегда предпочитала последнее. Наверно, поэтому ни разу не имела никаких замечаний от своего руководителя, где бы ни работала».

Сейчас к этому еще добавлю: мне очень везло в том, что посчастливилось работать с прекрасными руководителями. А это, согласитесь, основа успеха больших и малых дел.